Фаина Раневская

Анекдот из личной жизни

ардис
ART DICTATION STUDIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборник включены остроумные выражения и шутки, актерские байки и житейские истории, автор или главная героиня которых одна из величайших актрис XX столетия – Фаина Георгиевна Раневская (1896–1984).

Незаурядная личность с удивительным чувством юмора, она прожила долгую, насыщенную жизнь и имела славу язвительной особы и философа.

Острой на язык актрисе принадлежало множество едких и метких высказываний. В разговоре Раневская часто не стеснялась в выражениях, а ее гениальные фразы сразу же становились крылатыми. Передаваемые из уст в уста, они разлетались по Москве и обрастали деталями. В историях о Раневской трудно отделить правду от вымысла, то, что произошло именно с ней, от того, что ей приписывается. Это ли не свидетельство подлинной любви к актрисе, подлинной ее народности!

- Фаина Раневская
- ● ● ●
- ● ● ●
- ● ● ●

Фаина Раневская
Анекдот из личной жизни

Представьте, что вы взяли в руки пульт и включили телевизор. Или просто нажали на «ящике» кнопку, если так привычнее. И комнату заполняет низкий и немного хрипловатый женский голос:

«Я работаю как лошадь. Я бегаю, хлопочу, очаровываю, ходатайствую, требую, настаиваю. Благодаря мне в церкви мы сидим на придворных скамейках, а в театре – на директорских табуреточках. Солдаты отдают нам честь! Моих дочек скоро запишут в бархатную книгу первых красавиц двора! Кто превратил наши ногти в лепестки роз? Добрая волшебница, у дверей которой титулованные дамы ждут неделями. А к нам волшебница пришла на дом. Главный королевский повар вчера прислал мне в подарок дичи… Одним словом, у меня столько связей, что можно с ума сойти от усталости, поддерживая их. А где благодарность? Вот, например, у меня чешется нос, а почесать нельзя. Нет, нет, отойди. Золушка, не надо, а то я тебя укушу. <За что же, матушка?> За то, что ты сама не догадалась помочь бедной, беспомощной женщине».

или

«Готово! Всё! Ну, теперь они у меня попляшут во дворце! Я у них заведу свои порядки! Марианна, не горюй! Король – вдовец! Я и тебя пристрою. Жить будем! Эх, жалко – королевство маловато, разгуляться негде! Ну ничего! Я поссорюсь с соседями! Это я умею. Солдаты! Чего вы стоите, рот раскрыли?! Кричите «ура» королевским невестам!»

Этот неподражаемый голос знаком если не всем, то многим. Знаком по кинофильмам, записям спектаклей, любимым мультфильмам.

«Я сошла с ума. Какая досада».

Это голос великой актрисы Фаины Георгиевны Раневской.

На съёмках фильма «Подкидыш», в 39-м году, она придумала для своей героини слова, ставшие крылатыми, но преследовавшие актрису всю её жизнь: «Муля, не нервируй меня!»

Будучи в эвакуации в Ташкенте, Раневская часто гуляла с Анной Ахматовой. Фаина Георгиевна вспоминала: «Мы бродили по рынку, по старому городу. За мной бежали дети и хором кричали: «Муля, не нервируй меня». Это очень надоедало, мешало мне слушать Анну Андреевну. К тому же я остро ненавидела роль, которая принесла мне популярность. Я об этом

сказала Ахматовой. «Не огорчайтесь, у каждого из нас есть свой Муля!» Я спросила: «Что у вас «Муля?» «Сжала руки под тёмной вуалью» – это мои «Мули», – сказала Анна Андреевна».

Несколько десятилетий спустя в Кремле, вручая Раневской орден Ленина, глава государства не удержался и сказал: «Муля, не нервируй меня!» «Леонид Ильич, так меня называют только хулиганы» – обиделась Фаина Георгиевна. Брежнев покраснел: «Простите, но я вас очень люблю».

Острой на язык актрисе принадлежало множество едких и метких высказываний. Передаваемые из уст в уста, они стали воистину народными, – одни обрастали яркими деталями, другие лишались подробностей: когда, кому, по какому поводу была сказана та или иная фраза. В историях о Раневской часто трудно отделить правду от вымысла, то, что произошло именно с ней, от того, что ей приписывается. Это ли не свидетельства подлинной любви к актрисе, подлинной её народности.

Признаемся в своей любви к ней и мы.

Однажды ночью после одного из знаменитых ночных просмотров, устраиваемых для «вождя народов», Раневской позвонил Эйзенштейн.

– Фаина! Послушай внимательно. Я только что из Кремля. Ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?! «Вот товарищ Жаров хороший актёр, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, и все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и всё равно всегда разная…»

* * *

В Кремль на торжественный прием пригласили многих прославленных людей. Среди других и Раневскую. Предполагалось, что великая актриса будет развлекать гостей, но ей самой этого не хотелось. Хозяин был разочарован:

– Мне кажется, товарищ Раневская, что даже самому большому в мире глупцу не удалось бы вас рассмешить.

– А вы попробуйте, – предложила Фаина Георгиевна.

* * *

Раневская вспоминала:

– Прогуливаюсь по аллее в правительственном санатории в Сочи. Мне навстречу идет Каганович и сходу начал разговор:

– Как вы там поживаете в театре? Над чем работаете?

– Ставим «Белые ночи» по Достоевскому.

Тогда он воодушевленно восклицает.

– А идея там какая, идея?

– Идея в том, что человек не должен убивать человека.

«Это не наша идея. Не наша».

И быстро удалился.

* * *

Во время оттепели находились наивные люди, всерьез обсуждавшие проблему открытых границ.

– Фаина Георгиевна, что бы вы сделали, если бы вдруг открыли границы? – спросили у актрисы.

– Залезла бы на дерево, – ответила та.

– Почему?

– Затопчут! – убеждённо сказала Раневская.

* * *

Артист «Моссовета» Николай Афонин жил рядом с Раневской. У него был «горбатый» «Запорожец», и иногда Афонин подвозил Фаину Георгиевну из театра домой. Как-то в его «Запорожец» втиснулись сзади три человека, а впереди, рядом с Афониным, села Раневская. Подъезжая к своему дому, она спросила:

– К-колечка, сколько стоит ваш автомобиль?

Афонин сказал:

– Две тысячи двести рублей, Фаина Георгиевна.

– Какое бл*дство со стороны правительства, – мрачно заключила Раневская, выбираясь из горбатого аппарата.

* * *

– Знаете, – вспоминала Раневская спустя полвека, – когда я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности.

Особые отношения сложились у Раневской с Юрием Александровичем Завадским, главным режиссёром Театра имени Моссовета, где Раневская работала последние годы. Она называла его Пушком, маразматиком-затейником, уцененным Мейерхольдом, перпетуум кобеле. Творческие поиски Завадского оценивались ею как «капризы беременной кенгуру». Как-то она заметила: «В семье не без режиссёра».

* * *

Когда у Раневской спросили, почему она не ходит на беседы Завадского о профессии актёра, Фаина Георгиевна ответила:

– Я не участвую в мессах в борделе.

* * *

Как-то на репетиции Завадский крикнул из зала: «Фаина, вы своими выходками сожрали весь мой замысел!» «То-то у меня чувство, как будто наелась говна», – пробурчала Фаина Георгиевна. «Вон из театра!» «Вон из искусства!!» – ответила Раневская.

* * *

Актриса постоянно опаздывала на репетиции, и Завадский однажды попросил актеров при следующем опоздании её не замечать.

Запыхавшись, Фаина Георгиевна вбежала на репетицию:

– Здравствуйте!

Все молчат.

– Здравствуйте!

Никто не обращает внимания.

– Здравствуйте!

Снова тишина.

– Ах, нет никого?! Тогда пойду поссу.

* * *

Однажды на гастролях Раневской стало плохо с сердцем, Завадский отвез актрису в больницу, ждал, пока ею занимались врачи. На обратном пути спросил: «Что они сказали, Фаина?»

– Что-что – грудная жаба.

Завадский огорчился, воскликнул: «Какой ужас – грудная жаба!»

Но через минуту начал напевать: «Грудная жаба, грудная жаба…».

* * *

Раз перед началом репетиции вместе с другими актёрами Фаина Георгиевна ждала прихода Завадского, только что получившего к юбилею звание Героя Социалистического Труда. Когда её терпение лопнуло, Раневская спросила:

– Ну, где же наша Гертруда?

А эти истории уже из разряда анекдотов:

– Доктор, в последнее время я очень озабочена своими умственными способностями, – жалуется Раневская психиатру.

– А в чем дело? Каковы симптомы?

– Очень тревожные: всё, что говорит Завадский, кажется мне разумным…

* * *

– Ох, вы знаете, у Завадского такое горе!

– Какое горе?

– Он умер.

* * *

О других режиссёрах:

– Фаина Георгиевна! Галя Волчек поставила «Вишнёвый сад».

– Боже мой, какой ужас! Она продаст его в первом действии.

– У Юрского течка на профессию режиссёра. Хотя актёр он замечательный.

* * *

В отношениях с коллегами Раневская не церемонилась, и часто говорила то, что думала. Особенно доставалось от неё женщинам:

– У этой актрисы жопа висит и болтается, как сумка у гусара.

О другой: – У неё не лицо, а копыто.

* * *

Раневская забыла фамилию актрисы, с которой должна была играть:

– Ну эта, как её… Такая плечистая в заду…

* * *

Ещё одна характеристика:

– У неё голос – будто в цинковое ведро ссыт.

* * *

А вот высказывание об актрисе, только что принятой в труппу театра:

– И что только ни делает с человеком природа!

* * *

Раневская подошла к актрисе, страдающей завышенной самооценкой, и спросила:

– Вам никогда не говорили, что вы похожи на Брижит Бардо?

– Нет, никогда, – ответила та, ожидая комплимент.

Раневская окинула её взглядом и с удовольствием заключила:

– И правильно, что не говорили.

* * *

– Берите пример с меня, – сказала как-то Раневской одна солистка Большого театра. – Я недавно застраховала свой голос на очень крупную сумму.

– Ну, и что же вы купили на эти деньги?

* * *

Известная актриса в истерике кричала на собрании труппы:

– Я знаю, вы только и ждёте моей смерти, чтобы прийти и плюнуть на мою могилу!

– Терпеть не могу стоять в очереди! – отозвалась Раневская.

* * *

Видный кинодокументалист и блестящий рассказчик Василий Катанян как-то сказал Раневской, что смотрел «Гамлета» у Охлопкова.

– А как Бабанова в Офелии? – спросила Фаина Георгиевна.

– Очень интересна. Красива, пластична, голосок прежний…

– Ну, вы, видно, добрый человек. Мне говорили, что это

болонка в климаксе.

* * *

– Ну и лица мне попадаются, не лица, а личное оскорбление! В театр вхожу как в мусоропровод: фальшь, жестокость, лицемерие. Ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, подлость, алчные старухи!

* * *

– Это не театр, а дачный сортир. В нынешний театр я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости рвать зубы. Ведь знаете, как будто бы Станиславский не рождался. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому.

* * *

– Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия.

* * *

Во время своего дебюта в кино, на съёмках фильма «Пышка», Раневская, оценив декольте исполнительницы главной роли Галины Сергеевой, сказала, к восторгу режиссёра Михаила Ромма: «Эх, не имей сто рублей, а имей двух грудей».

Сказанное ею часто не отражало истинные чувства к тому, о ком она говорила. Ярким примером этого были высказывания (или анекдоты?), относящиеся к Вере Марецкой.

Раневская и Марецкая шли по Тверской. Раневская сказала:

– Тот слепой, которому ты подала монетку, не притворяется, он действительно не видит.

– Почему ты так решила?

– Он же сказал тебе: «Спасибо, красотка!»

* * *

В семьдесят лет Раневская вдруг объявила, что вступает в партию.

– Зачем? – поразились друзья.

– Надо! – твердо сказала Раневская. – Должна же я хоть на старости лет знать, что эта сука Верка Марецкая говорит обо мне на партсобраниях.

* * *

Вере Петровне Марецкой присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Любя актрису и признавая её заслуги в искусстве, Раневская тем не менее заметила:

– Чтобы мне получить это звание, надо сыграть Чапаева.

По воспоминаниям режиссёра театра имени Моссовета Андрея Житинкина, эта история произошла на репетиции последнего спектакля Фаины Георгиевны «Правда хорошо, а счастье лучше» по Островскому. Репетировали Раневская и Варвара Сошальская. Обе они были почтенного возраста: Сошальской – к восьмидесяти, а Раневской – за восемьдесят. Варвара была в плохом настроении: плохо спала, подскочило давление. В общем, ужасно. Раневская пошла в буфет, чтобы купить ей шоколадку или что-нибудь сладкое, дабы поднять подруге настроение. Там её внимание привлекла одна диковинная вещь, которую она раньше никогда не видела – здоровенные парниковые огурцы, впервые появившиеся в Москве посреди зимы. Раневская, заинтригованная, купила огурец невообразимых размеров, положила в глубокий карман передника (она играла прислугу) и пошла на сцену.

В тот момент, когда она должна была подать барыне (Сошальской) какой-то предмет, она вытащила из кармана огурец и говорит:

– Вавочка (так в театре звали Сошальскую), я дарю тебе этот огурчик.

Та обрадовалась:

– Фуфочка, спасибо, спасибо тебе.

Раневская, уходя со сцены, вдруг повернулась, очень хитро подмигнула и продолжила фразу:

– Вавочка, я дарю тебе этот огурчик. Хочешь ешь его, хочешь – живи с ним.

* * *

В больнице, увидев, что Раневская читает Цицерона, врач заметил:

– Не часто встретишь женщину, читающую Цицерона.

– Да и мужчину, читающего Цицерона, встретишь не часто, – ответила Фаина Георгиевна.

Отдельная тема в рассказах о Раневской – тема взаимоотношений с домработницами.

Диалог с домработницей:

– Что сегодня на обед? – интересуется Фаина Георгиевна у Лизы, когда та возвращается из магазина.

– Детское мыло и папиросы купила.

– А что к обеду?

– Вы очень полная, вам не надо обедать, лучше в ванне купайтесь.

– А где сто рублей?

– Ну вот детское мыло, папиросы купила.

– Ну а еще?

– Да что вам считать! Деньги от дьявола, о душе надо думать. Еще зубную пасту купила.

– У меня есть зубная паста.

– Я в запас, скоро ничего не будет, ей-богу, тут конец света на носу, а вы сдачи спрашиваете.

* * *

Иногда Фаина Георгиевна садилась на вегетарианскую диету и тогда становилась особенно чувствительна. Как-то в один из таких дней она спросила: «Лизочка, мне кажется, в этом борще чего-то не хватает?» Лиза ответила: «Правильно, Фаина Георгиевна, не хватает мяса».

* * *

Однажды домработница сварила курицу вместе с требухой. Есть было нельзя, курицу надо бы выбросить. Раневская огорчилась:

– Но ведь для чего-то она родилась!

* * *

Раневская часто изображала, как Лиза, готовясь к свиданию, без конца звонила по телефону своим подругам: «Маня, у тебе бусы есть? Нет? Пока». «Нюра, у тебе бусы есть? Нет? Пока».

«Зачем тебе бусы?» – спрашивает Фаина Георгиевна. «А шоб кавалеру было шо крутить, пока мы в кино сидим», – отвечала та.

Когда замужество наконец состоялось, Раневская подарила Лизе только что купленную кровать. А сама до конца жизни так и спала на тахте.

* * *

Раневская часто оставляла приоткрытой дверь на лестницу. Новая домработница быстро сориентировалась и унесла шубу и хрустальную вазочку, решив свалить всё на «открытую дверь». Обнаружив пропажу, Раневская сообщила в милицию. Воровку накрыли с поличным у неё дома, нашли ещё несколько шуб и вазочек – она не рассчитывала, что «интеллигенты заявят».

История имела продолжение.

Фаина Георгиевна невзлюбила эту шубу и решила её продать. Но когда она открыла перед покупательницей шкаф, то оттуда вылетела моль. Раневская крикнула:

– Ну что, сволочь, нажралась?

Продажа не состоялась.

* * *

Однажды Раневская встретила девушку, незадолго до этого работавшую у нее.

– Как я жалею, что ушла от вас, Фаина Георгиевна.

– Вы недовольны своим новым местом?

– Очень.

– У вас много дел?

– Намного больше, чем было у вас.

– Но вы неплохо зарабатываете?

– Что вы! Почти ничего.

– Невероятно! А отпуск?

– Никакого отпуска.

– У кого же вы работаете?

– Я не работаю. Я вышла замуж.

Встречаются Раневская и Марлен Дитрих.

– Скажите, – спрашивает Раневская, – вот почему вы все такие худенькие да стройненькие, а мы – большие и толстые?

– Просто диета у нас особенная: утром – кекс, вечером – секс.

– Ну, а если не помогает?

– Тогда мучное исключить.

* * *

Фаина Георгиевна Раневская однажды сказала Вано Ильичу Мурадели:

– А ведь вы, Вано, не композитор!

Мурадели обиделся:

– Это почему же я не композитор?

– Да потому, что у вас фамилия такая. Вместо «ми» у вас «му», вместо «ре» – «ра», вместо «до» – «де», а вместо «ля» – «ли». Вы же, Вано, в ноты не попадаете.

* * *

В 1954 году советское правительство решило сделать большой подарок немецкому народу, возвратив ему вывезенные во время войны коллекции Дрезденской галереи.

Отреставрированные картины и скульптуры перед отправкой в ГДР были выставлены в Пушкинском музее. Люди сутками стояли в очереди, чтобы посмотреть на картины великих мастеров.

Рассказывают, возле «Сикстинской мадонны» Рафаэля стоят две шикарно одетых дамы, и одна обращается к другой.

– Не понимаю, что все так сходят с ума и чего они в ней находят…

Случайно оказавшаяся рядом Фаина Георгиевна так на это отреагировала:

– Милочка! Эта дама столько веков восхищала человечество, что теперь она сама имеет право выбирать, на кого производить впечатление.

– У меня будет счастливый день, когда вы станете импотентом, – заявила Раневская надоедливому ухажеру.

* * *

Раневская выступала на литературно-театральном вечере. Когда перешли к ответам на вопросы, девушка лет шестнадцати спросила:

– Фаина Георгиевна, что такое любовь?

Раневская подумала и сказала:

– Забыла. – А потом добавила: – Но помню, что это что-то очень приятное.

* * *

– Удивительно, – сказала задумчиво Раневская. – Когда мне было 20 лет, я думала только о любви. Теперь же я люблю только думать.

* * *

Сотрудница Радиокомитета N. постоянно переживала драмы из-за своих любовных отношений с сослуживцем, которого звали Симой: то она рыдала из-за очередной ссоры, то он её бросал, то она делала от него аборт… Раневская называла её «жертва ХераСимы».

* * *

У Раневской спросили, не знает ли она причины развода знакомой пары. Фаина Георгиевна ответила:

– У них были разные вкусы – она любила мужчин, а он – женщин.

* * *

– Лесбиянство, гомосексуализм, мазохизм, садизм – это не извращения, – строго объясняет Раневская. – Извращений, собственно, только два: хоккей на траве и балет на льду.

* * *

– Вы не поверите, Фаина Георгиевна, но меня ещё не целовал никто, кроме жениха.

– Это вы хвастаете, милочка, или жалуетесь?

* * *

– Если женщина идет с опущенной головой – у неё есть любовник! Если женщина идет с гордо поднятой головой – у неё есть любовник! Если женщина держит голову прямо – у неё есть любовник! И вообще – если у женщины есть голова, то у неё есть любовник!

* * *

– Союз глупого мужчины и глупой женщины порождает мать-героиню. Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку. Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычную семью. Союз умного мужчины и умной женщины порождает легкий флирт.

* * *

– Если женщина говорит мужчине, что он самый умный, значит, она понимает, что второго такого дурака она не найдёт.

* * *

Юноша с девушкой сидят на лавочке. Юноша очень стеснительный. Девушке хочется, чтобы он ее поцеловал, и она говорит.

– Ой, у меня щечка болит.

Юноша целует её в щечку:

– Ну как, теперь болит?

– Нет, не болит.

Через некоторое время:

– Ой, у меня шейка болит!

Он её чмок в шейку:

– Ну как, болит?

– Нет, не болит.

Рядом сидит Раневская и спрашивает:

– Молодой человек, вы от геморроя не лечите?

* * *

– Почему женщины так много времени и средств уделяют внешнему виду, а не развитию интеллекта?

– Потому что слепых мужчин гораздо меньше, чем глупых.

* * *

– Дорогая, сегодня спала с незапертой дверью. А если бы кто-то вошел, – всполошилась приятельница Раневской, дама пенсионного возраста.

– Ну сколько можно обольщаться, – пресекла Фаина Георгиевна собеседницу.

* * *

Раневская возвращается с гастролей. Разговор в купе. Одна говорит: «Вот вернусь домой и во всем признаюсь мужу».

Вторая: «Ну, ты и смелая».

Третья: «Ну, ты и глупая».

Раневская: «Ну, у тебя и память».

* * *

Раневская вспоминала, что в доме отдыха, где она недавно была, объявили конкурс на самый короткий рассказ. Тема – любовь, но есть четыре условия:

1) в рассказе должна быть упомянута королева;

2) упомянут Бог;

3) чтобы было немного секса;

4) присутствовала тайна.

Первую премию получил рассказ размером в одну фразу:

«О, Боже, – воскликнула королева. – Я, кажется, беременна и неизвестно от кого!»

* * *

– Он относится ко мне, как к собаке, – жаловалась Раневская. – Даже хуже! У собаки есть меховое манто, а мне о нем приходится только мечтать.

* * *

Расставляя точки над i, собеседница спрашивает у Раневской.

– То есть вы хотите сказать, Фаина Георгиевна, что он и она живут как муж и жена?

– Нет. Гораздо лучше, – ответила та.

* * *

– Фаина Георгиевна, на что похожа женщина, если её поставить вверх ногами?

– На копилку.

– А мужчина?

– На вешалку.

* * *

Великая русская актриса Александра Яблочкина пребывала в девицах до старости.

Как-то она спросила у Раневской, как, собственно, занимаются любовью. После подробного рассказа Раневской Яблочкина воскликнула:

– Боже! И это все без наркоза!!!

* * *

– Моя любимая болезнь, – говорила Раневская, – чесотка: почесался и еще хочется. А самая ненавистная – геморрой: ни себе посмотреть, ни людям показать.

* * *

Раневской делают операцию под наркозом. Врач просит её считать до десяти. От волнения она начинает считать невпопад:

– Один, два, пять, семь…

– Будьте повнимательнее, пожалуйста, – просит врач.

– Поймите, как мне трудно, – начинает оправдываться актриса. – Моего суфлера ведь нет рядом.

* * *

– Этот доктор творит чудеса! Он буквально за минуту вылечил все мои болезни, – саркастически заметила Фаина Георгиевна после посещения врача.

– Каким образом?

– Он сказал, что все мои болезни – не болезни, а симптомы приближающейся старости.

* * *

Раневская тяжело переживала смерть режиссера Таирова. У Фаины Георгиевны началась бессонница, она вспоминала глаза Таирова и плакала по ночам.

Потом обратилась к психиатру.

Мрачная усатая армянка устроила Раневской допрос с целью выяснить характер ее болезни. Фаина Георгиевна изображала, как армянка с акцентом спрашивала её:

– На что жалуешься?

– Не сплю ночью, плачу.

– Так, значит, плачешь?

– Да.

– Сношений был? – внезапный взгляд армянки впивался в Раневскую.

– Что вы, что вы!

– Так. Не спишь. Плачешь. Любил друга. Сношений не был. Диагноз: психопатка! – безапелляционно заключила врач.

* * *

– Была сегодня у врача «ухо-горло-жопа», – сообщила Раневская опешившей соседке.

* * *

– Склероз нельзя вылечить, но о нём можно забыть, – полагала Раневская.

* * *

– Вот ваши снотворные таблетки, Фаина Георгиевна, этого вам хватит на шесть недель.

– Но, доктор, я не хотела бы спать так долго!

* * *

Раневская изобрела новое средство от бессонницы и делится с Риной Зелёной:

– Надо считать до трех. Максимум – до полчетвертого.

* * *

– Здоровье? Здоровье, это когда у вас каждый день болит в другом месте.

* * *

– Я себя чувствую, но плохо, – отвечала Раневская на постылые вопросы о здоровье.

* * *

– Фаина Георгиевна, вы опять захворали?! А какая у вас температура?

– Нормальная, комнатная, плюс восемнадцать градусов…

* * *

На вопрос: «Вы заболели, Фаина Георгиевна?» – она привычно отвечала: «Нет, я просто так выгляжу…»

* * *

У Раневской спросили:

– Как вы себя чувствуете, Фаина Георгиевна?

– Болит печень, сердце, ноги, голова. Хорошо, что я не мужчина, а то бы и предстательная железа заболела.

* * *

– Фаина, – спрашивала её старая подруга, – как ты считаешь, медицина делает успехи?

– А как же. В молодости у врача мне каждый раз приходилось раздеваться, а теперь достаточно язык показать.

* * *

– Когда я выйду на пенсию, то абсолютно ничего не буду делать. Первые месяцы буду просто сидеть в кресле-качалке.

– А потом?

– А потом начну раскачиваться…

* * *

– Или я старею и глупею, или нынешняя молодёжь ни на что не похожа! – сетовала Раневская. – Раньше я просто не знала, как отвечать на их вопросы, а теперь даже не понимаю, о чем они спрашивают.

* * *

В присутствии Раневской однажды зашел разговор о современной молодежи.

– Вы правы, – заметила Фаина Георгиевна, – сегодняшняя молодёжь ужасная. Но еще ужаснее то, что мы не принадлежим к ней.

* * *

– Старость, – говорила Раневская, – это время, когда свечи на

именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы.

* * *

– Стареть скучно, но это единственный способ жить долго.

* * *

– Старость, это когда беспокоят не плохие сны, а плохая действительность.

* * *

Раневская сказала Зиновию Паперному:

– Молодой человек! Я ведь ещё помню порядочных людей… Боже, какая я старая!

* * *

Подводя итоги, Раневская говорила: – Я родилась недовыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо…

* * *

Говорят, что этот спектакль не имеет успеха у зрителей?

– Ну, это еще мягко сказано, – заметила Раневская. – Я вчера позвонила в кассу, и спросила, когда начало представления.

– И что?

– Мне ответили: «А когда вам будет удобно?»

* * *

– Я была вчера в театре, – рассказывала Раневская. – Актеры играли так плохо, особенно Дездемона, что когда Отелло душил её, то публика очень долго аплодировала.

* * *

– Почему, Фаина Георгиевна, вы не ставите и свою подпись под этой пьесой? Вы же её почти заново за автора переписали!

– А меня это устраивает. Я играю роль яиц: участвую, но не вхожу.

* * *

Раневская кочевала по театрам. Театральный критик Наталья Крымова спросила:

– Зачем все это, Фаина Георгиевна?

– Искала… – ответила Раневская.

– Что искали?

– Святое искусство.

– Нашли?

– Да.

– Где?

– В Третьяковской галерее…

* * *

– Приходите, я покажу вам фотографии неизвестных народных артистов СССР, – зазывала к себе Раневская.

* * *

Как-то она сказала:

– Четвертый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актеры играли как никогда.

* * *

– Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, – требует капризная молодая актриса.

– Всё будет настоящим, – успокаивает её Раневская. – Всё: и жемчуг в первом действии, и яд – в последнем.

* * *

Узнав, что её знакомые идут сегодня в театр посмотреть её на сцене, Раневская пыталась их отговорить:

– Не стоит ходить: и пьеса скучная, и постановка слабая… Но раз уж все равно идете, я вам советую уходить после второго акта.

– Почему после второго?

– После первого очень уж большая давка в гардеробе.

* * *

О своих работах в кино: «Деньги съедены, а позор остался».

* * *

– Очень сожалею, Фаина Георгиевна, что вы не были на премьере моей новой пьесы, – похвастался Раневской Виктор Розов. – Люди у касс устроили форменное побоище!

– И как? Удалось им получить деньги обратно?

* * *

Вернувшись в гостиницу в первый день после приезда на гастроли в один провинциальный город, Раневская со смехом рассказывала, как услышала перед театром такую реплику аборигена: «Спектакль сегодня вечером, а они до сих пор не могут решить, что будут играть!»

И он показал на афишу, на которой было написано «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

* * *

Раневская вообще была любительницей сокращений. Однажды начало генеральной репетиции перенесли сначала на час, потом еще на 15 минут. Ждали представителя райкома – даму очень средних лет, Заслуженного работника культуры. Раневская, всё это время не уходившая со сцены в сильнейшем раздражении спросила в микрофон:

– Кто-нибудь видел нашу ЗасРаКу?!

* * *

– Меня так хорошо принимали, – рассказывал Раневской вернувшийся с гастролей артист N. – Я выступал на больших

открытых площадках, и публика непрестанно мне рукоплескала!

– Вам просто повезло, – заметила Фаина Георгиевна. – На следующей неделе выступать было бы намного сложнее.

– Почему?

– Синоптики обещают похолодание, и будет намного меньше комаров.

* * *

Раневская не упускала случая ошарашить собеседника совершенно неожиданной реакцией.

– Посмотрите, Фаина Георгиевна! В вашем пиве плавает муха! – во весь голос закричала соседка по столу.

– Всего одна, милочка. Ну сколько она может выпить?! – спокойно ответила Раневская.

* * *

Знакомая Раневской, учитель биологии, решила продемонстрировать той вред, наносимый организму никотином и алкоголем. Она бросила червяка в стакан со спиртом, и тот мгновенно издох. Второй умер в стакане с никотином. Бросила третьего в стакан с яичным желтком – червяк живет.

– Ну и какой вывод можно из этого сделать? – спрашивает она у Фаины Георгиевны.

– Только один: если не пить и не курить, в яйцах черви заведутся!

* * *

В театре.

– Извините, Фаина Георгиевна, но вы сели на мой веер!

– Что? То-то мне показалось, что снизу дует.

* * *

– Кем была ваша мать до замужества? – спросил у Раневской настырный интервьюер.

– У меня не было матери до её замужества, – пресекла Фаина Георгиевна дальнейшие вопросы.

* * *

Валентин Маркович Школьников, директор-распорядитель Театра имени Моссовета, вспоминал:

«На гастролях в Одессе какая-то дама долго бежала за нами, потом спросила:

– Ой, вы – это она?

Раневская спокойно ответила своим басовитым голосом:

– Да, я – это она».

* * *

Раневская стояла в своей грим-уборной совершенно голая. И курила. Вдруг к ней без стука вошел директор-распорядитель театра имени Моссовета Валентин Школьников. И оцепенел. Фаина Георгиевна спокойно спросила:

– Вас не шокирует, что я курю?

* * *

В доме отдыха на прогулке приятельница проникновенно заявляет:

– Я обожаю природу.

Раневская останавливается, внимательно осматривает её и говорит:

– И это после того, что она с тобой сделала?

* * *

Всех артистов заставляли ходить в кружок марксистско-ленинской философии. Как-то преподаватель спросил, что такое национальное по форме и совершенное по содержанию.

– Это пивная кружка с водкой, – ответила Раневская.

* * *

В театр Моссовета пришел лектор читать лекцию о полётах в космос. Закончив её, предлагает задавать вопросы. Поднимается Раневская.

– Товарищ лектор, а вы «подушечки» ели? Вокруг конфета, а

внутри – варенье. Интересно, как оно туда попадает?

* * *

– А как вы считаете, кто умнее – мужчины или женщины? – спросили у Раневской.

– Женщины, конечно, умнее. Вы когда-нибудь слышали о женщине, которая бы потеряла голову только от того, что у мужчины красивые ноги?

* * *

14 апреля 1976 года. Множество людей столпилось в гримуборной Раневской, которую в связи с 80-летием наградили орденом Ленина.

– У меня такое чувство, что я голая моюсь в ванной и пришла экскурсия.

* * *

Я как старая пальма на вокзале – никому не нужна, а выбросить жалко.

* * *

Раневская со всеми своими домашними и огромным багажом приезжает на вокзал.

– Жалко, что мы не захватили пианино, – говорит Фаина Георгиевна.

– Не остроумно, – замечает кто-то из сопровождавших.

– Действительно не остроумно, – вздыхает Раневская. – Дело в том, что на пианино я оставила все билеты.

* * *

Раневская обедала в ресторане и осталась недовольна и кухней, и обслуживанием.

– Позовите директора, – сказал она, расплатившись.

А когда тот пришел, предложила ему обняться.

– Что такое? – смутился тот.

– Обнимите меня, – повторила Фаина Георгиевна.

– Но зачем?

– На прощание. Больше вы меня здесь не увидите.

* * *

Хозяйка дома показывает Раневской свою фотографию детских лет. На ней снята маленькая девочка на коленях пожилой женщины.

– Вот такой я была тридцать лет назад.

– А кто эта маленькая девочка? – с невинным видом спрашивает Фаина Георгиевна.

* * *

Раневская как-то рассказывала, что согласно результатам исследования, проведенного среди двух тысяч современных женщин, выяснилось, что двадцать процентов, т. е. каждая пятая, не носят трусы.

– Помилуйте, Фаина Георгиевна, да где же это могли у нас напечатать?

– Нигде. Данные получены мною лично от продавца в обувном магазине.

* * *

Маша Голикова, внучатая племянница Любови Орловой, подрабатывала корреспондентом на радио.

После записи интервью она пришла к Фаине Георгиевне и сказала:

– Все хорошо, но в одном месте нужно переписать слово «феномéн». Я проверила, современное звучание должно быть с ударением в середине слова – «фенóмен».

Раневская переписала весь кусок, но, дойдя до слова «фенóмен», заявила в микрофон:

– Феномéн, феномéн и еще раз феномéн, а кто говорит «фенóмен», пусть идет в жопу.

* * *

– Фуфа, почему ты всегда подходишь к окну, когда я начинаю петь?

– Я не хочу, чтобы соседи подумали, будто я бью тебя!

* * *

Тверской бульвар. Какой-то прохожий подходит к Раневской и спрашивает:

– Сударыня, не могли бы вы разменять мне сто долларов?

– Увы! Но благодарю за комплимент!

* * *

Журналист спрашивает у Раневской:

– Как вы считаете, в чем разница между умным человеком и дураком?

– Дело в том, молодой человек, что умный знает, в чем эта разница, но никогда об этом не спрашивает.

* * *

– Ох и трудно сейчас жить честным людям! – пожаловался Раневской один видный товарищ.

– Ну а вам-то что? – спросила актриса.

* * *

Раневская приглашает в гости и предупреждает, что звонок не работает:

– Как придете, стучите ногами.

– Почему ногами, Фаина Георгиевна?

– Но вы же не с пустыми руками собираетесь приходить!

* * *

Как-то Раневская, сняв телефонную трубку, услышала сильно надоевший ей голос кого-то из поклонников и заявила:

– Извините, не могу продолжать разговор. Я говорю из автомата, а здесь большая очередь.

* * *

После спектакля «Дальше – тишина» к Фаине Георгиевне подошел поклонник.

– Товарищ Раневская, простите, сколько вам лет?

– В субботу будет сто пятнадцать.

Он остолбенел:

– В такие годы и так играть!

* * *

– А вы куда хотели бы попасть, Фаина Георгиевна, – в рай или ад? – спросили у Раневской.

– Конечно, рай предпочтительнее из-за климата, но веселее мне было бы в аду – из-за компании, – рассудила Фаина Георгиевна.

* * *

У Раневской спросили: что для нее самое трудное?

– О, самое трудное я делаю до завтрака, – сообщила она.

– И что же это?

– Встаю с постели.

* * *

Ткань на юбке Раневской от долгой носки истончилась. Фаина Георгиевна скорее с удовольствием, чем с сожалением, констатирует, глядя на прореху: – Напора красоты не может сдержать ничто!

* * *

– Сегодня я убила пять мух, – сказала Раневская. – Двух самцов и трех самок.

– Как вы это определили?

– Две сидели на пивной бутылке, а три на зеркале.

* * *

В переполненном автобусе, развозившем артистов после спектакля, раздался неприличный звук. Раневская наклонилась к уху соседа и шепотом, но так, чтобы все слышали, выдала:

– Чувствуете, голубчик? У кого-то открылось второе дыхание!

* * *

Как-то на гастролях Фаина Георгиевна зашла в местный музей и присела в кресло отдохнуть. К ней подошел смотритель и сделал замечание:

– Здесь сидеть нельзя, это кресло графа Суворова Рымникского.

– Ну и что? Его ведь сейчас нет. А как придет, я встану.

* * *

– Природа весьма тщательно продумала устройство нашего организма, – философично заметила однажды Раневская. – Чтобы мы видели, сколько мы переедаем, наш живот расположен на той же стороне тела, что и глаза.

* * *

Рина Зелёная рассказывала:

– В санатории Раневская сидела за столом с каким-то занудой, который все время хаял еду. И суп холодный, и котлеты не соленые, и компот не сладкий. (Может, и вправду.) За завтраком он брезгливо говорил: «Ну что это за яйца? Смех один. Вот в детстве у моей мамочки, я помню, были яйца!»

– А вы не путаете её с папочкой? – осведомилась Раневская.

* * *

Фаина Георгиевна вернулась домой бледная, как смерть, и рассказала, что ехала от театра на такси.

– Я сразу поняла, что он лихач. Как он лавировал между машинами, увиливал от грузовиков, проскакивал прямо перед носом у прохожих! Но по-настоящему я испугалась уже потом. Когда мы приехали, он достал лупу, чтобы посмотреть на счетчик!

* * *

Во время гастролей во Львове ночью, выйдя однажды на балкон гостиницы, Фаина Георгиевна с ужасом обнаружила светящееся неоновыми буквами огромных размеров неприличное существительное на букву «е». Потрясенная ночными порядками любимого города, добропорядочно соблюдавшего моральный советский кодекс днем, Раневская уже не смогла заснуть и лишь на рассвете разглядела потухшую первую букву «М» на вывеске мебельного магазина, написанной по-украински: «Мебля».

* * *

Как-то на южном море Раневская указала рукой на летящую чайку и сказала:

– МХАТ полетел.

* * *

Одной даме Раневская сказала, что та по-прежнему молода и прекрасно выглядит.

– Я не могу ответить вам таким же комплиментом, – дерзко ответила та.

– А вы бы, как и я, соврали! – посоветовала Фаина Георгиевна.

* * *

– Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз.

* * *

Ольга Аросева рассказывала, что, уже будучи в преклонном возрасте, Фаина Георгиевна шла по улице, поскользнулась и упала. Лежит на тротуаре и кричит своим неподражаемым голосом:

– Люди! Поднимите меня! Ведь народные артисты на улице не валяются!

* * *

Как-то в скверике у дома к Раневской обратилась какая-то женщина:

– Извините, ваше лицо мне очень знакомо. Вы не артистка?

Раневская резко парировала:

– Ничего подобного, я зубной техник.

Женщина, однако, не успокоилась, разговор продолжался, зашла речь о возрасте, собеседница спросила Фаину Георгиевну;

– А сколько вам лет?

Раневская гордо и возмущенно ответила:

– Об этом знает вся страна!

* * *

В купе вагона назойливая попутчица пытается разговорить Раневскую:

– Позвольте же вам представиться. Я – Смирнова.

– А я – нет.

* * *

– Я не пью, я больше не курю и я никогда не изменяла мужу – потому еще, что у меня его никогда не было, – заявила Раневская, упреждая возможные вопросы журналиста.

– Так что же, – не отстает журналист, – значит у вас совсем нет никаких недостатков?

– В общем, нет, – скромно, но с достоинством ответила Раневская.

И после небольшой паузы добавила:

– Правда, у меня большая жопа и я иногда немножко привираю…

* * *

– Шкаф Любови Петровны Орловой так забит нарядами, – говорила Раневская, – что моль, живущая в нём, никак не может научиться летать!

* * *

Раневская обедала как-то у одной дамы, столь экономной, что Фаина Георгиевна встала из-за стола совершенно голодной. Хозяйка любезно сказала ей:

– Прошу вас еще как-нибудь прийти ко мне отобедать.

– С удовольствием, – ответила Раневская, – хоть сейчас!

* * *

Идущую по улице Раневскую толкнул какой-то человек, да еще и обругал грязными словами.

Фаина Георгиевна сказала ему:

– В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами, какие употребляете вы. Но я искренне надеюсь, что когда вы вернетесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искусает.

* * *

Приятельница сообщает Раневской:

– Я вчера была в гостях у N. И пела для них два часа…

Фаина Георгиевна прерывает её возгласом:

– Так им и надо! Я их тоже терпеть не могу!

* * *

Раневскую о чем-то попросили и добавили:

– Вы ведь добрый человек, вы не откажете.

– Во мне два человека, – ответила Фаина Георгиевна. – Добрый не может отказать, а второй может. Сегодня как раз дежурит второй.

* * *

– Почему Бог создал женщин такими красивыми и такими глупыми? – спросили как-то Раневскую.

– Красивыми – чтобы их могли любить мужчины, а глупыми – чтобы они могли любить мужчин.

* * *

Идет обсуждение пьесы. Все сидят.

Фаина Георгиевна, рассказывая что-то, встаёт, чтобы принести книгу, возвращается, продолжая говорить стоя. Сидящие слушают и вдруг:

– Проклятый девятнадцатый век, проклятое воспитание: не могу стоять, когда мужчины сидят, – как бы между прочим замечает Раневская.

* * *

Актёр Малого театра Михаил Михайлович Новохижин некоторое время был ректором Театрального училища имени Щепкина.

Однажды звонит ему Раневская:

– Мишенька, милый мой, огромную просьбу к вам имею: к вам поступает мальчик, фамилия Малахов, обратите внимание, умоляю – очень талантливый, очень, очень. Личная просьба моя: не проглядите, дорогой мой, безумно талантливый мальчик.

Рекомендация Раневской дорого стоила – Новохижин обещал «лично проследить».

После прослушивания «гениального мальчика» Новохижин позвонил Раневской.

– Фаина Георгиевна, дорогая, видите ли, не знаю даже, как и сказать…

И тут же услышал крик Раневской:

– Что? Говно мальчишка? Гоните его в шею, Мишенька, гоните немедленно! Боже мой, что я могу поделать: меня просят, никому не могу отказать!

* * *

– Сейчас, когда человек стесняется сказать, что ему не хочется умирать, он говорит так: очень хочется выжить, чтобы посмотреть, что будет потом. Как будто, если бы не это, он немедленно был бы готов лечь в гроб.

* * *

– Чем умный отличается от мудрого? – спросили у Раневской.

– Умный знает, как выпутаться из трудного положения, а мудрый никогда в него не попадает.

* * *

Оптимизм – это недостаток информации.

* * *

Есть люди, в которых живет Бог, есть люди, в которых живет дьявол, есть люди, в которых живут только глисты.